

ISSN: 2219-8229
E-ISSN: 2224-0136
Founder: Academic Publishing House *Researcher*
DOI: 10.13187/issn.2219-8229
Has been issued since 2010.

European Researcher. International Multidisciplinary Journal

Historical Sciences and Archaeology

Исторические науки и археология

UDC 355.48(100)«1914/1918»:355.415.8(=162.3/.4:470+571)

Czechs and Slovaks in Russian Captivity during World War I (1914-1918)

Oksana E. Dmitrieva

Kharkiv National University of V. N. Karazin, Ukraine
Liberty Square, 4. Kharkiv. 61000
E-mail: okcana.dmitrieva@yandex.ua

Abstract. The article is focused on the features of more than 250 000 Czechs and Slovaks in Russian captivity during World War I: the amount, quartering and supply benefits, work in various sectors of the Russian economy, military units formation, social and national organizations activities, charity support. The conditions of Czechs and Slovaks captivity are recollected. New sources are introduced into scientific use.

Keywords: World War I; benefits; prisoners of war; the Czechs and the Slovaks; Czech squad; cultural and educational activities; charity support.

Введение. Круглые даты прошедших событий всегда вызывают повышенный интерес в обществе. Не является исключением и приближающееся столетие начала Первой мировой войны. Не только важные военно-политические события 1914–1918 гг., но и проблемы, порожденные ими, представляют значительный общественный и научный интерес. Одной из таких проблем является военный плен Великой войны. Пребывание в плену стало временем социально-экономических, морально-психологических испытаний для человека. Оно повлияло не только на судьбы военнопленных, но и на политическую обстановку и моральный климат в обществе.

Одной из малоизученных российской и зарубежной исторической наукой является проблема содержания в плену Российского государства одной из наиболее многочисленной группы славянских военнопленных чехов и словаков. Историография проблемы берет свое начало с 1920-х гг. и активно исследуется современными историками. Качественно новым этапом в изучении данной темы стал период с начала 1990-х гг. и продолжающийся до настоящего времени. Ученые исследовали морально-психологический аспект пребывания солдат и офицеров неприятельских армий в российском плену. В Российской Федерации был защищен ряд диссертаций о положении военнопленных, как на всей территории России, так и в отдельных ее регионах. В зарубежной историографии военный плен 1914–1918 гг. изучают не только в Чехии и Словакии, но и в Австрии, Беларуси, Германии, Дании, Израиле. Это является показателем возросшего интереса к нему в обществе.

Материалы и методы. В тоже время следует отметить, что работ по военному плену чехов и словаков мало и отражают они лишь отдельные его аспекты. Так, Н. Каржанский, А.Х. Клеванский, А. И. Остроухов исследовали деятельность национальных организаций

среди военнопленных чехов и словаков, условия их содержания и использование на работах в различных отраслях народного хозяйства Российского государства, организацию чехословацких воинских формирований с их участием [1].

При написании статьи были изучены различные источники: документальные публикации, мемуары, пресса, архивные материалы.

В статье использован сравнительно-исторический метод, который способствовал установлению сходства и различия в положении военнопленных славянских и других национальностей в России.

Целью статьи является характеристика особенностей пребывания военнопленных чехов и словаков в Российском государстве в годы Первой мировой войны.

Результаты. В 1914–1918 гг. в России находилось 1,7–2,4 млн военнопленных солдат и офицеров Центральных держав [2]. Подавляющее большинство пленных являлись подданными Австро-Венгрии. По данным Центральной коллегии по делам пленных и беженцев их количество составляло 1 815 469 человек, из них офицеров – 38 326, солдат – 1 777 143 [3].

Значительное количество военнопленных австро-венгерской армии, попавших в российский плен, объясняется несколькими причинами: прежде всего переходом на сторону русской армии и добровольной сдачей в плен целых воинских частей, что вызывалось политикой Австро-Венгрии в отношении славянских народов империи; успешными военными операциями русской армии и пленением значительного числа солдат и офицеров неприятельских армий; усталостью от войны и пр. Например, только в ходе Галицийской битвы в августе – сентябре 1914 г. потери австрийской армии пленными составили 100 тысяч человек, при взятии Перемышля в марте 1915 г. – 120 тысяч солдат и офицеров, в ходе Брусиловского прорыва в июне – августе 1916 г. – около 400 тысяч человек и т.д. [4]

На сегодняшний день нет точного числа военнопленных чехов и словаков, находившихся в российском плену. Однако анализ различных источников позволяет сделать вывод, что наиболее объективным является количество более 250 тысяч человек, причем чехов – около 220 тысяч, словаков – могло быть более 30 тысяч человек (14 % пленных австро-венгерской армии) [5]. Военнопленные офицеры составляли около 5 тысяч (около 2 %), солдаты – более 245 тысяч человек (более 98 %) [3].

Попавших в плен солдат и офицеров чехов и словаков в зоне боевых действий отправляли на сборные пункты, где проводили их опрос, а затем через фронтовые распределительные и пересыльные станции (сортировочные пункты) направляли во внутренние районы государства и размещали во временных и стационарных лагерях [6].

Государства, на территории которых оказались пленные, проводя свою политику в их отношении, руководствовались международными и внутригосударственными документами, определявшими их содержание (Гаагская конвенция 1907 г., «Положение о военнопленных» 7 октября 1914 г. и др.). На условия пребывания в плену чехов и словаков оказали влияние ряд факторов. В ходе Первой мировой войны чешские и словацкие политики стремились возродить национальную государственность. Эти планы поддерживали страны Антанты и в первую очередь Российская империя. Российские власти старались соблюсти международные конвенции по содержанию военнопленных и в тоже время рассматривали Центральную и Восточную Европу как сферу своих интересов. Любое содействие национальному движению чешского и словацкого народов усиливало позиции России в Центральной и Восточной Европе. Поэтому одним из направлений поддержки чехословацкого национального движения стала лояльная политика в отношении военнопленных чехов и словаков.

Поскольку власти проводили в отношении славян «благосклонную» политику, с октября 1914 г. пленных распределяли по национальностям и предоставляли льготы. В телеграмме Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) в военные округа (ВО) говорилось о льготах, предоставленных в виду особого характера войны для военнопленных славян. Их «... надлежит размещать в отдельных пунктах от мест расквартирования германцев, австро-немцев, венгров и других, враждебно относящихся к России элементов пленных; ...предоставить, по возможности, лучшие помещения в смысле тепла и обстановки; ...снабжать лучшей одеждой и пищей; ...применять более мягкий режим;

...освободить от установленного привлечения пленных к казенным и общественным работам ... в случае заявления пленными желания работать, назначать их совершенно особым порядком от немцев и венгров ... на работы более мягкого и интересного для них характера» [7].

На местах возникали вопросы – кого относить к славянам? Поэтому в начале октября 1914 г. ГУГШ довел уездным воинским начальникам и лицам, в ведении которых находились военнопленные, что при распределении по национальностям к славянам следовало относить великоросов, малороссов, белорусов, поляков, чехов, богемцев, словаков, словенцев, сербо-хорватов и болгар [8].

Военнопленных славян чехов и словаков, считавшихся «благонадежными» разместили, в основном, в пределах Киевского, Казанского и Московского ВО. В тоже время часть пленных направили в Туркестанский, Омский, Иркутский и Приамурский ВО [9]. Власть беспокоили настроения этих военнопленных, ведь они могли в плену проявлять политическую активность. Однако мест отдельного размещения только пленных славянских или представителей других национальностей в Российском государстве не существовало. В основном в них, в зависимости от местонахождения, преобладали представители той или иной национальности (славяне или другие национальности). Так, в Валковском уезде Харьковской губернии в марте 1916 г. из 533 военнопленных 357 (67%) были славяне [10]. На март 1917 г. в Приамурском и Омском ВО находилось 70 % немцев и 27 % чехов и словаков [11]. Из приведенных данных следует, что представителей славянских национальностей, в том числе чехов и словаков, лояльных к России, расселили, в основном, в ее европейской части и западной Сибири.

Как и военнопленных других национальностей, чехов и словаков поначалу разместили в городах с расквартированием в казармах, приспособленных для проживания жилых и нежилых помещениях, землянках. Приток значительной массы пленных, привел к строительству с лета 1915 г. специальных лагерей. К 1917 г. в Российском государстве функционировало более 400 таких лагерей.

Военнопленных офицеров чехов и словаков обычно расселяли на частных квартирах в районах расположения воинских частей. Они пользовались определенной свободой: совершали прогулки по городу под конвоем безоружных солдат [12]. Однако с 1915 г. распоряжением военных властей офицеров перевели на казарменное положение и разместили группами от двадцати до четырехсот человек в свободных казарменных помещениях или городских домах [13]. Выход в город разрешали только для посещения церкви, магазинов, бани и при наличии пропуска воинского начальства.

Власти старались кормить военнопленных чехов и словаков по нормам довольствия нижних чинов русской армии. Но установленное Военным советом суточное довольствие на протяжении войны сокращали, что вызывалось продовольственными трудностями в государстве. Уже с 1915 г. власти рекомендовали заменять дефицитные продукты (мясо, сало, пшено и др.) на имевшиеся в наличии (рыбу, сушеные грибы, постное масло и пр.) [14]. С февраля 1916 г. в России ввели «мясопостные дни», а в другие дни разрешали заменять мясо другими продуктами (например, яйцами) [15].

Кормили пленных в лагерях по определенной системе: пищу они готовили сами, раздавали ее обычно в больших мисках на десять человек три раза в день. Однако не все лагеря имели столовые, поэтому питались военнопленные часто прямо в бараках.

Пленные офицеры чехи и словаки принимали пищу на специально обустроенных для них кухнях. Продукты питания они обычно покупали на городских рынках. В выборе блюд офицеров не ограничивали, за исключением запрещенных спиртных напитков [16]. Однако, после введения в 1915 г. ограничений на передвижение и практически повсеместного запрета пленным делать покупки на городских рынках, провизию приобретали в лагерных лавках. Военнопленные офицеры чехи и словаки получали праздничное питание (пайки) на Новый год, Рождество и Пасху [17].

Поскольку обычно обмундирование у пленных было изношенным, остро стояла проблема обеспечения их одеждой и обувью. При пленении чехов и словаков старое, изношенное обмундирование заменяли пригодным для ношения. И все же пленные прибывали в места расквартирования обычно в плохо сохранившейся верхней одежде, нередко без белья и в плохой обуви. В лагере они сразу же получали комплекты

необходимой одежды и белья [18]. Однако выдачи обмундирования проводили не регулярно. Поэтому военнопленные длительное время ходили в одной и той же одежде, которая быстро изнашивалась. Для решения возникшей проблемы во многих, особенно крупных лагерях, для пошива и ремонта одежды и обуви создавали портняжные и обувные мастерские. С апреля 1915 г. государство авансировало на их работу около 1 тысячи руб. [19].

Положение военнопленных офицеров чехов и словаков можно назвать привилегированным в связи с тем, что они одевались за свой счет. По свидетельству очевидцев, одеты они были хорошо, иногда «даже изыскано». Носили, главным образом, форменную одежду, реже гражданскую, сшитую на заказ в лагерных мастерских [20].

Практически все лагеря имели бани. Военнопленные посещали их регулярно (не менее двух раз в месяц) [21].

Поддерживая борьбу славянских народов за освобождение от австро-венгерского гнета, и рассматривая ее как фактор усиления своего влияния в Центральной и Восточной Европе, царское правительство соблюдало предоставленные военнопленным чехам и словакам льготы: они, в основном, размещались в районах с умеренным климатом; могли вести переписку с родственниками и соотечественниками; благотворительным и национальным обществам, представители которых посещали пленных, власти разрешили помогать и заботиться о них; военнопленным предоставили право совершать воскресные прогулки, встречаться с соотечественниками для кратковременных бесед, заниматься художественной самодеятельностью и т.д.

Временное правительство продолжило политику царского правительства в отношении пленных славян. В первые месяцы после Февральской революции некоторые военнопленные славяне получили льготы по передвижению. В специальном удостоверении, выдававшемся льготнику, указывали время и территорию передвижения [22]. Например, «лояльные чехи и словаки» Томска могли ходить по городу без конвоя [23].

30 июня 1917 г. Временное правительство опубликовало правила, установившие особые льготы для пленных славян. Они дополняли уже существовавшие и сводились к следующему: предоставление работы по специальности, получение литературы на родном языке, создание касс взаимопомощи и пр. Военнопленные получили право иметь своих уполномоченных при раздаче и отправке корреспонденции и посылок, на работах разрешалось иметь поваров из пленных, вводилась корреспонденция на чешском языке с чешскими общественными организациями и частными лицами. По ходатайству чешских организаций и с согласия командующего ВО военнопленные могли перемещаться из одних лагерей в другие. Представителям Чехословацкого национального совета (ЧНС), существовавшего с ноября 1915 г. в Париже и возглавлявшего национальное движение на чешских и словацких землях, разрешалось посещение мест размещения пленных для ознакомления с условиями быта и оказания им материальной и духовной помощи [24].

Имело свои особенности не только размещение и содержание военнопленных чехов и словаков, но и использование их труда. В условиях затянувшейся войны, массовых мобилизаций трудоспособного населения, необходимости содержания значительной массы пленных их привлекали к работам в различных отраслях народного хозяйства. Причем сельским хозяевам в первую очередь предоставляли военнопленных славянских национальностей. Это объяснялось тем, что хлеб и овощи являлись основой рациона питания армии, близость славянских языков облегчала общение между работниками и работодателями, что способствовало результативности труда. Работали пленные также на промышленных предприятиях, дорогах, в рудниках и т.д. [25].

Наиболее активно труд военнопленных применяли в 1916-1917 гг. Сначала в различных отраслях народного хозяйства использовали как «наиболее благонадежных» преимущественно славян, но в 1916–1917 гг. в связи с острым недостатком рабочих рук к работам привлекали пленных всех национальностей. В народном хозяйстве России трудились более 245 тысяч чешских и словацких солдат и изъявившие желание работать офицеры. Военнопленные работали по специальности и чернорабочими. Их труд высоко ценили работодатели [26].

Характерными особенностями политики российских властей в отношении наиболее значительной части славянских пленных чехов и словаков являлись разрешения создавать различные общественные и национальные организации, военные формирования в составе

российской армии. Остановимся на них подробнее. Союз чехословацких обществ в России (СЧО), Чешский комитет помощи жертвам войны, Общество чешско-славянского единения и др. своей деятельностью стремились добиться единства национального движения соотечественников в Российской империи, способствовали созданию чехословацких воинских формирований, помогали военнопленным, облегчая их положение.

Уже 12 августа 1914 г. военное ведомство поддержало предложение представителей чешских и словацких обществ об образовании чешской дружины. Предполагалось, что служить в ней будут чехи и словаки – австрийские подданные, поселившиеся в России во второй половине XIX в. и подавшие прошения о получении российского гражданства. Поскольку численность дружины оставалась незначительной, проблему решили путем включения в ее состав пленных. С декабря 1914 г. российские власти разрешили набирать в дружину добровольцев из числа военнопленных в прифронтовой полосе, но только «политически благонадежных» [27]. В марте 1915 г. император Николай II дал согласие на вступление в нее словаков, так как российские правящие круги рассматривали, как один из вариантов, общую государственность чехов и словаков [28]. Эта мера должна была способствовать увеличению численности чехословацких частей, консолидации национального движения, росту авторитета Российского государства – защитника славянских народов «лоскутной монархии». Однако российское военное командование с опаской относилось к солдатам и офицерам, нарушившим присягу и перешедшим на сторону врага. Поэтому, вспоминая историю формирования дружины, генерал А. Брусиллов писал, что при наборе пленных в дружину ставка «опасалась измены» с их стороны [29]. Этим и объясняется оговоренное условие приема в формирование. Под руководством СЧО Корпус по делам военнопленных, затем военная и информационно-пропагандистская комиссии отделения ЧНС в России вели широкую политическую агитацию за вступление в чехословацкие части [30].

Лидеры национального движения и российские власти ставили перед этими воинскими формированиями определенные задачи. Российские власти, разрешив их создание, демонстрировали поддержку планов национальных политиков и использовали их при ведении военных действий. Лидеры чехословацкого движения имели поддержку своей борьбы Российским государством, в составе армии которой воевали и набирались боевого опыта чехословацкие части. В будущем они должны были стать основой армии Чехословацкого государства. Дружинники служили разведчиками, связистами, охраняли штабы, сопровождали в тыл пленных, помогали при реквизициях продуктов, ловили дезертиров. В прифронтовых районах их часто использовали для несения полицейской службы [31]. Корреспондент «Русских ведомостей» Н. Каржанский писал, что знание дружинниками языков, специфики военного быта противника, превращало их в незаменимых фронтовых разведчиков [32]. Пересекая линию фронта, они проводили агитацию в неприятельских частях. Некоторые из них, в том числе и под влиянием пропаганды, переходили на сторону русских войск.

Храбрыми воинами проявили себя чехи и словаки на полях сражений, за что многие стали георгиевскими кавалерами: к началу октября 1915 г. в первой роте – все, во второй роте – 75%, в третьей – 50%, в четвертой – 40% [33]. Чехословацкие части регулярно реорганизовывали. В апреле 1916 г. дружину переименовали в полк. Он стал базой для формирования бригады. Летом 1917 г. после успешных боев под Зборовом Временное правительство разрешило создать две чехословацкие дивизии, а затем корпус. К концу февраля 1918 г. он насчитывал 42 тысячи человек (около 17% общего числа военнопленных чехов и словаков) [34].

Особенностью пребывания пленных чехов и словаков в российском плену явилось разрешение МВД с октября 1915 г., а позже Временного правительства на браки русских женщин с военнопленными австро-венгерской армии, прежде всего славянами [35]. Особенно рост бракосочетаний отмечался на Дальнем Востоке и в Сибири.

Значительную роль в жизни пленных чехов и словаков играли национальные и общественные организации. Своей работой они поддерживали военнопленных морально и материально. Так в Таганроге Екатеринославской губернии весной 1916 г. 1700 чехов и словаков - работников Российско-Балтийского завода передали на поруки правления СЧО и предоставили право свободного проживания [36]. С февраля 1917 г. право на свободное

передвижение получили пленные в Киеве [37]. Общество чешско-славянского единения в августе 1917 г. добилось введения восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы военнопленных до уровня оплаты труда русских рабочих на ряде предприятий Киева [38].

Важными направлениями деятельности среди пленных общественных и национальных организаций являлись культурно-просветительная работа и благотворительная помощь. Просветительная деятельность имела несколько направлений: распространение прессы, организация образовательной работы, проведение культурных и благотворительных мероприятий. Остановимся на них подробнее. Военнопленные получали еженедельные газеты «Чехословак», «Чехослован» и двухнедельный журнал на чешском языке «Чешскословацкий вояк» и пр.

Саратовское отделение Всероссийского общества попечительства о пленных славянах сформировало группы офицеров для изучения русского языка и выписало для них учебники [39]. Оренбургское славянское благотворительное общество проводило в городах губернии благотворительные концерты и спектакли, среди военнопленных распространяло пропагандистскую литературу [40].

В Саратовской консерватории в апреле 1915 г. профессор Харьковского университета А.А. Погодин прочитал лекцию на тему «Германия перед войной 1914 г.». В перерыве лекции хор певчих исполнил славянские гимны и песни. Сбор от нее составил 115 руб. 12 коп. [41]

Киевское благотворительное общество с целью ознакомления работающих на заводах общества «Возвил» военнопленных чехов с бытом русского народа и историей русского государства открыло для них курсы русского языка и русской истории по программе начальных школ [42].

Наиболее результативной и разносторонней оказалась деятельность среди военнопленных национальных организаций. По поручению СЧО Благотворительное и просветительное общество имени Я.А. Коменского организовало на Волыни около тридцати чешских школ. В связи с нехваткой кадров оно пригласило работать учителями пленных чехов. Получив около пятисот заявлений, после тщательного отбора только троих военнопленных июне - июле 1917 г. устроили на работу в школы [43].

В лагерях Киевского военного округа в 1915-1916 гг. по ходатайству СЧО по воскресным дням для пленных чехов работали курсы русского языка, читали лекции по русской истории, географии и литературе, организовывали экскурсии в киевские святыни, музеи и другие известные памятные места [44].

Чешский комитет помощи жертвам войны в Киеве 30 ноября 1914 г. провел «Вечер славянского единения». 11 января 1915 г. профессор Киевского университета Н.В. Ястребов прочел лекцию, посвященную знакомству с зарубежными славянами [45]. Средства от этих мероприятий передали в помощь пострадавшим от войны.

Благодаря чехам в годы Первой мировой войны оживилась культурная жизнь в европейской и азиатской частях Российского государства. Например, в начале 1917 г. по разрешению Харьковского губернатора в помещении музыкально-драматического кружка Краматорского металлургического завода выступал струнный оркестр, состоявший из семнадцати военнопленных чехов [46]. В Барнауле Томской губернии, Хабаровске существовали оркестры из пленных, концерты которых пользовались неизменным успехом [47].

Интересной и разнообразной была культурная жизнь в чехословацких военных формированиях. В них регулярно проводили вечера чешских и словацких песен, организовывали выставки карикатур и оформляли стенные газеты [48]. 28 сентября 1917 г. в Житомире Волынской губернии Просветительный клуб Чешско-словацкого Гуситского стрелкового запасного батальона организовал праздник воинов-чехословаков. В его программу входили парад на площади, гимнастические выступления и спектакль в городском театре [49].

Для адаптации к условиям плена чехи и словаки использовали традиции сокольского движения, популярного на родине. Это способствовало оживлению и развитию спорта в различных регионах России. Примером может служить Барнаул Томской губернии. Здесь

военнопленный Пржигода руководил гимнастическим обществом «Сокол» и готовил из барнаульской молодежи спортсменов [50].

Поскольку с созданием необходимых условий содержания пленных чехов и словаков возникали проблемы, российские власти предоставили возможность различным общественным и национальным организациям оказывать им помощь. Она выражалась в материальной и моральной поддержке военнопленных. Активную работу среди военнопленных вело Всероссийское общество попечительства о пленных славянах. Военнопленным Оренбургской губернии оно оказывало медицинскую помощь, открывало общественные столовые и чайные, предоставляло ночлег, проводило погребения умерших [51]. В Саратовской губернии пленные получали пособия деньгами, вещи, продукты, подарки к праздникам Рождества и Пасхи [39].

Помогали военнопленным чехам и словакам национальные благотворительные организации. Из фонда Благотворительного и просветительного общества имени Я.А. Коменского они получали материальную помощь [52]. Общество чешско-славянского единения с июня 1917 г. на средства больничной кассы обеспечивало лечение и выплачивало помощь во время болезни около 2 тысячам человек [53].

Заключение. Таким образом, благодаря лояльной политике российских властей, связанной с поддержкой национального движения чехов и словаков, пребывание военнопленных в российском плену имело ряд особенностей. К ним следует отнести: предоставление льгот, размещение значительного их количества в районах с умеренным климатом, приоритетное использование на различных работах в основных отраслях народного хозяйства, создание чехословацких воинских формирований в составе русской армии, деятельность среди пленных общественных, благотворительных и национальных организаций. Они дали возможность военнопленным чехам и словакам не только прочувствовать на себе заботу государства пленения и представителей национального движения, но и легче пережить плен.

Примечания:

1. Каржанский Н. Чехо-словаки в России / Н. Каржанский. М.: Книгоиздательство «Змий», 1918. 95 с.; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. / А. Х. Клеванский. М.: «Наука», 1965. 395 с.; Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. 185 с.

2. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03-07.00.02. Нижневартонск, 1996. С. 138.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р. 3333. Оп. 6. Д. 25. Л. 7.

4. Уткин А.И. Первая мировая война / А. И. Уткин. М.: Изд-во Алгоритм ЭКСМО, 2002. С. 148, 279; Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн: в 4-х кн. / Р. Э. Дюпюи, Т.Н. Дюпюи. Санкт-Петербург-Москва: Полигон Аст, 1998. Кн. 3. 1800-1925 годы. С. 802, 855; Брусиллов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусиллов. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. С. 240; История первой мировой войны. 1914-1918 гг: в 2-х т. / Под ред. И. И. Ростунова. М.: „Наука“, 1975. Т. 1. / Авт. И. И. Ростунов, В.И. Виноградов, Д. В. Вержховский и др. С. 352; История первой мировой войны. 1914-1918: в 2-х т. / Под ред. И. И. Ростунова. М.: „Наука“, 1975. Т. 2. / Авт. И. И. Ростунов, Ф.С. Криницын и др. С. 204.

5. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / Ред. кол. сов. часть – П.Н. Поспелов (отв. ред.); чехосл. часть – В. Краль (отв. ред.). М.: «Наука», 1973. Т. 1. Ноябрь 1917 – август 1922 / Подгот. Ч. Аморт, А. Х. Клеванский, А. И. Недорезов, Я. Пиволуска. С. 20.

6. Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 38.

7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1396. Оп. 4. Д. 67. Л. 288.

8. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 4. Д. 67. Л. 217.

9. Государственный архив Харьковской области (далее - Госархив Харьковской обл.). Ф. 19. Оп. 1. Д. 298. Л. 18, 20, 21, 23; Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 43-44.
10. Госархив Харьковской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 298. Л. 23.
11. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 87.
12. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03-07.00.02. Нижневартовск, 1996. С. 151.
13. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 81.
14. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее – ЦГИАК Украины). Ф. 692. Оп. 1. Д. 6099. Л. 76.
15. Госархив Харьковской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 297. Л. 57.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате. 1914. Отдел первый. Второе полугодие (7-9). СПб.: Сенатская типография, 1914. С. 3458.
17. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2194. Л. 1.
18. Отраслевой государственный архив Министерства обороны Украины (далее - ОГА МО Украины). Ф. 4784. Оп. 33048. Д. 27. Л. 82.
19. ОГА МО Украины. Ф. 4780. Оп. 32998. Д. 45. Л. 133.
20. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03-07.00.02. Нижневартовск, 1996. С. 153.
21. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 64.
22. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1969. Л. 272-274.
23. Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2005. С. 135.
24. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 560. Л. 6-8.
25. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 114.
26. Остроухов А. И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 110-111.
27. Gaida R. Moje paměti / R. Gaida. Kaslin: «Vesmér» nakladatelská a vydavatelská společnost S.R.O., 1921. S. 11.
28. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. I.: V munduru Rakousko-Uherska / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 69.
29. Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. С. 194-195.
30. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / Ред. кол. сов. часть – П.Н. Поспелов (отв. ред.); чехосл. часть – В. Краль (отв. ред.). М.: «Наука», 1973. Т. 1. Ноябрь 1917 – август 1922 / Подгот. Ч. Аморт, А. Х. Клеванский, А. И. Недорезов, Я. Пиволуска. С. 114-115.
31. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. II. Matka Slavie a matuška Rossija / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 51.
32. Каржанский Н. Чехо–словаки в России / Н. Каржанский. М.: Книгоиздательство «Змий», 1918. С. 1, 10.
33. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России 1914-1920 / В. С. Драгомирецкий. Париж-Прага, 1928. С. 25-26.
34. Лазаревский В. Россия и чехословацкое возрождение: очерк чешско-русских отношений, 1914-1918 гг. / В. Лазаревский; [с предисловием В. В. Шульгина]. Париж: К-во «Град Китеж», 1927. – С. 127.
35. ЦГИАК Украины. Ф. 692. Оп. 1. Д. 6515. Л. 54.
36. Революционные стремления чешскославянского народа. (Чешскославянский национальный съезд) / Отделение ЧНС. Петроград: Издание Отделения для России Чешскославянского национального совета, 1917. С. 27-28.

37. Революционные стремления чешкославянского народа. (Чешкославянский национальный съезд) / Отделение ЧНС. Петроград: Издание Отделения для России Чешкославянского национального совета, 1917. С. 29-30.
38. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. / А. Х. Клеванский. М.: «Наука», 1965. С. 73.
39. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2194. Л. 1-2.
40. Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914-1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Оренбург, 2008. С. 30-32.
41. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2194. Л. 1.
42. Курсы русского языка для чехов // Жизнь Волыни. 1916. 28 февраля.
43. ЦГИАК Украины. Ф. 715. Оп. 1. Д. 1800. Л. 1-2.
44. Госархив г. Киева. Ф. 304. Оп. 1. Д. 49. С. 10-11.
45. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. Ф. 179. Д. 393-394. Л. 1.
46. Госархив Харьковской обл. Ф. 19. Оп. 1. Д. 286. С. 277.
47. Легенды Барнаула: знаменитые военнопленные легионеры [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.amic.ru/news/108963> (дата обращения: 07.08.2009); Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2011. С. 109.
48. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. III. Stará brigáda / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 218-219.
49. Праздник воинов чехословаков // Волынь. 1917. 28 сентября.
50. Легенды Барнаула: знаменитые военнопленные легионеры [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.amic.ru/news/108963> (дата обращения: 07.08.2009).
51. Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914-1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Оренбург, 2008. С. 30-32.
52. Короткий звіт про діяльність добровільного і просвітнього товариства імені Яна Амоса Коменського в Києві у період війни 1914-1917 рр. // Хроніка – 2000. 1999. Вип. 25-26. Ч. 1. „Україна - Чехія”. С. 271.
53. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. / А. Х. Клеванский. М.: «Наука», 1965. С. 105.

References:

1. Karzhanskii N. Chekho-slovaki v Rossii / N. Karzhanskii. M.: Knigoizdatel'stvo «Zmii», 1918. 95 s.; Klevanskii A.Kh. Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyi korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914-1921 gg. / A. Kh. Klevanskii. M.: «Nauka», 1965. 395 s.; Ostroukhov A.I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. 185 s.
2. Vasil'eva S.N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03-07.00.02. Nizhnevartovsk, 1996. S. 138.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF). F.R. 3333. Op. 6. D. 25. L. 7.
4. Utkin A.I. Pervaya mirovaya voina / A. I. Utkin. M.: Izd-vo Algoritm EKSMO, 2002. S. 148, 279; Dyupyui R. E., Dyupyui T. N. Vsemirnaya istoriya voyn: v 4-kh kn. / R. E. Dyupyui, T.N. Dyupyui. Sankt-Peterburg-Moskva: Poligon Ast, 1998. Kn. 3. 1800-1925 gody. S. 802, 855; Brusilov A. A. Moi vospominaniya / A. A. Brusilov. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1963. S. 240; Istoriya pervoi mirovoi voiny. 1914-1918 gg: v 2-kh t. / Pod red. I. I. Rostunova. M.: „Nauka”, 1975. T. 1. / Avt. I. I. Rostunov, V.I. Vinogradov, D. V. Verzhkhovskii i dr. S. 352; Istoriya pervoi mirovoi voiny. 1914-1918: v 2-kh t. / Pod red. I. I. Rostunova. M.: „Nauka”, 1975. T. 2. / Avt. I. I. Rostunov, F.S. Krinitsyn i dr. S. 204.
5. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chekhoslovatskikh otnoshenii / Red. kol. sov. chast' – P.N. Pospelov (otv. red.); chekhosl. chast' – V. Kral' (otv. red.). M.: «Nauka», 1973. T. 1. Noyabr' 1917 – avgust 1922 / Podgot. Ch. Amort, A. Kh. Klevanskii, A. I. Nedorezov, Ya. Pivoluska. S. 20.
6. Ostroukhov A.I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 38.
7. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (dalee – RGVIA). F. 1396. Op. 4. D. 67. L. 288.
8. RGVIA. F. 1396. Op. 4. D. 67. L. 217.

9. Gosudarstvennyi arkhiv Khar'kovskoi oblasti (dalee - Gosarkhiv Khar'kovskoi obl.). F. 19. Op. 1. D. 298. L. 18, 20, 21, 23; Ostroukhov A.I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 43-44.
10. Gosarkhiv Khar'kovskoi obl. F. 19. Op. 1. D. 298. L. 23.
11. Ostroukhov A. I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 87.
12. Vasil'eva S. N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03-07.00.02. Nizhnevartovsk, 1996. S. 151.
13. Ostroukhov A. I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 81.
14. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Ukrainy, g. Kiev (dalee – TsGIAK Ukrainy). F. 692. Op. 1. D. 6099. L. 76.
15. Gosarkhiv Khar'kovskoi obl. F. 19. Op. 1. D. 297. L. 57.
16. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuyushchem senate. 1914. Otdel pervyi. Vtoroe polugodie (7-9). SPb.: Senatskaya tipografiya, 1914. S. 3458.
17. GARF. F. 579. Op. 1. D. 2194. L. 1.
18. Otrasevoi gosudarstvennyi arkhiv Ministerstva oborony Ukrainy (dalee - OGA MO Ukrainy). F. 4784. Op. 33048. D. 27. L. 82.
19. OGA MO Ukrainy. F. 4780. Op. 32998. D. 45. L. 133.
20. Vasil'eva S. N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03-07.00.02. Nizhnevartovsk, 1996. S. 153.
21. Ostroukhov A. I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 64.
22. RGVIA. F. 1396. Op. 2. D. 1969. L. 272-274.
23. Talapin A. N. Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny na territorii Zapadnoi Sibiri (iyul' 1914 – mai 1918 gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk, 2005. S. 135.
24. GARF. F. 1791. Op. 2. D. 560. L. 6-8.
25. Ostroukhov A. I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 114.
26. Ostroukhov A. I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rosii perioda Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 110-111.
27. Gaida R. Moje paměti / R. Gaida. Kaslin: «Vesmér» nakladatelská a vydavatelská společnost S.R.O., 1921. S. 11.
28. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. I.: V munduru Rakousko-Uherska / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 69.
29. Brusilov A. A. Moi vospominaniya / A. A. Brusilov. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1963. S. 194-195.
30. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii / Red. kol. sov. chast' – P.N. Pospelov (otv. red.); chekhosl. chast' – V. Kral' (otv. red.). M.: «Nauka», 1973. T. 1. Noyabr' 1917 – avgust 1922 / Podgot. Ch. Amort, A. Kh. Klevanskii, A. I. Nedorezov, Ya. Pivoluska. S. 114-115.
31. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. II. Matka Slavie a matuška Rossija / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 51.
32. Karzhanskii N. Chekho–slovaki v Rossii / N. Karzhanskii. M.: Knigoizdatel'stvo «Zmii», 1918. S. 1, 10.
33. Dragomiretskii V. S. Chechoslovaki v Rossii 1914-1920 / V. S. Dragomiretskii. Parizh-Praga, 1928. S. 25-26.
34. Lazarevskii V. Rossiya i chechoslovatskoe vozrozhdenie: ocherk cheshsko-russkikh otnoshenii, 1914-1918 gg. / V. Lazarevskii; [s predislaviem V. V. Shul'gina]. Parizh: K-vo «Grad Kitez», 1927. S. 127.
35. TsGIAK Ukrainy. F. 692. Op. 1. D. 6515. L. 54.
36. Revolyutsionnye stremeniya cheshskoslavianskogo naroda. (Cheshskoslavianskii natsional'nyi s"ezd) / Otdelenie ChNS. Petrograd: Izdanie Otdeleniya dlya Rossii Cheshskoslavianskogo natsional'nogo soveta, 1917. S. 27-28.
37. Revolyutsionnye stremeniya cheshskoslavianskogo naroda. (Cheshskoslavianskii natsional'nyi s"ezd) / Otdelenie ChNS. Petrograd: Izdanie Otdeleniya dlya Rossii Cheshskoslavianskogo natsional'nogo soveta, 1917. S. 29-30.
38. Klevanskii A. Kh. Chechoslovatskie internatsionalisty i prodanniy korpus. Chechoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914-1921 gg. / A. Kh. Klevanskii. M.: «Nauka», 1965. S. 73.
39. GARF. F. 579. Op. 1. D. 2194. L. 1-2.
40. Idrisova E. S. Inostrannye voennoplennye Pervoi mirovoi voiny na Yuzhnom Urale v 1914-1921 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. 07.00.02. Orenburg, 2008. S. 30-32.

41. GARF. F. 579. Op. 1. D. 2194. L. 1.
42. Kursy ruskogo yazyka dlya chekhov // Zhizn' Volyni. 1916. 28 fevralya.
43. TsGIAK Ukrainy. F. 715. Op. 1. D. 1800. L. 1-2.
44. Gosarkhiv g. Kieva. F. 304. Op. 1. D. 49. S. 10-11.
45. Institut rukopisei Natsional'noi biblioteki Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo. F. 179. D. 393-394. L. 1.
46. Gosarkhiv Khar'kovskoi obl. F. 19. Op. 1. D. 286. S. 277.
47. Legendy Barnaula: znamenitye voennoplennye legionery [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.amic.ru/news/108963> (data obrashcheniya: 07.08.2009); Ostroukhov A.I. Voennoplennye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoi mirovoi voyny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2011. S. 109.
48. Medek R. Pout do Československa. Válečné paměti a vzpomínky z let 1914-1920. III. Stará brigáda / R. Medek. Praha: Nakladatelství j Otto Spol. s Ruč. o. S. 218-219.
49. Prazdnik vojnov chekchoslovakov // Volyn'. 1917. 28 sentyabrya.
50. Legendy Barnaula: znamenitye voennoplennye legionery [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.amic.ru/news/108963> (data obrashcheniya: 07.08.2009).
51. Idrisova E. S. Inostrannye voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na Yuzhnom Urale v 1914-1921 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. 07.00.02. Orenburg, 2008. S. 30-32.
52. Korotkii zvit pro diyal'nist' dobrochinnogo i prosvitn'ogo tovaristva imeni Yana Amosa Komens'kogo v Kievi u period viini 1914-1917 rr. // Khronika – 2000. 1999. Vip. 25-26. Ch. 1. „Ukraina - Chekhiya”. S. 271.
53. Klevanskii A. Kh. Chekchoslovatskie internatsionalisty i prodannyi korpus. Chekchoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914-1921 gg. / A. Kh. Klevanskii. M.: «Nauka», 1965. S. 105.

УДК 355.48(100)«1914/1918»:355.415.8(=162.3/.4:470+571)

Особенности пребывания чехов и словаков в российском плену в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Оксана Евгеньевна Дмитриева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина
61000. г. Харьков, площадь Свободы, 4
Соискатель
E-mail: okcana.dmitrieva@yandex.ua

Аннотация. В статье рассмотрены особенности содержания в российском плену в период Первой мировой войны более 250 тысяч чехов и словаков: количество, льготы при расквартировании и обеспечении, использование на работах в различных отраслях народного хозяйства России, создание воинских формирований, деятельность среди пленных общественных и национальных организаций, оказание им благотворительной помощи. Восстановлены условия пребывания чехов и словаков в плену. Введены в научный оборот новые источники.

Ключевые слова: Первая мировая война; льготы; военнопленные; чехи и словаки; чешская дружина; культурно-просветительная работа; благотворительная помощь.